(cc) BY

Батыров Валерий Владимирович
канд. ист. наук, заведующий отделом
ФГБУН «Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН»
г. Элиста, Республика Калмыкия
Команджаев Евгений Александрович
канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет»
г. Элиста, Республика Калмыкия

РОЛЬ ЗАЙСАНГОВ В КАЛМЫЦКОМ ОБЩЕСТВЕ В XIX в.

***Аннотация**: статья посвящена вопросам истории представителей высшего сословия – зайсангов в XIX в. В работе рассмотрены вопросы происхождения зайсангов в калмыцком обществе, круг выполняемых ими обязанностей по контролю за простыми кочевниками и сбору податей, а также проблемы их взаимоотношений с российской администрацией.*

***Ключевые слова**: зайсанги, история Калмыкии, история России, социальная история.*

В XVII в. калмыки вошли в состав России и до последней трети XVIII в. неизменно сохраняли свою внутреннюю структуру, бывшую характерной для всех кочевых народов монгольского происхождения. Только с начала XIX в. российская администрация стала проводить достаточно осторожную политику по приведению социальной структуры калмыцкого народа в соответствие с общероссийской сословной системой. Для этого старались максимально использовать опыт функционирования традиционных социальных институтов кочевых народов Российской империи. При этом, все законодательные акты в области регулирования социальных отношений в калмыцком обществе всегда подтверждали привилегированное положение аристократии, которые были зафиксированы еще нормами обычного права и Степного уложения.

В первой половине XIX в. калмыцкое общество, по-прежнему, делилось на два основных сословия: неподатные – светские и духовные феодалы и подат-

ные – простолюдины (*албату, шабинеры и кетченеры*). К первому относились нойоны, зайсанги и члены их семей, которые составляли в калмыцком обществе категорию «цаган-яста», т. е. *белую кость* [Батыров 2014: 27]. Высокое социальное положение калмыцкой знати было обусловлено их административными функциями. На самом верху иерархической лестницы находились нойоны – наследственные владельцы улусов, затем шли зайсанги – наследственные правители аймаков. Зайсанги являлись наиболее важными должностными лицами нойона. И хотя их должность передавалась по наследству, но согласно нормам обычного права нойоны имели право передать один из своих аймаков в личное или наследственное пользование родственнику или простолюдину за особенные заслуги, которые получали звание зайсанга. Более того, по сообщению калмыцкого пристава К. Я. Ваценко, «за важные преступления зайсангов, владельцы имеют право отымать аймаки и отдавать их родственникам, а за неимением их посторонним достойным людям» [НАРК. Ф. 1. Оп.1. Д.161. Л.14 об.].

Для того чтобы лучше понять социальное положение калмыцкой аристократии необходимо подробнее рассмотреть факторы, влияющие на их социальный статус, а именно: улусы и аймаки. Основными административно-территориальными единицами Калмыкии того периода были улус – владение нойона и аймаки под управлением зайсангов. Сама административная улусо-аймачная система калмыков восходит к улусной системе ранних монголов XII – XIII вв [Владимирцов 1934: 98–99] и сохранилась вплоть до начала XX в. В. Бакунин исследователь жизни и быта калмыков, писал: «Калмыцкий народ разделяется на разные улусы, и каждый улус имеет особливое свое звание и нойона, а у каждого есть по несколько зайсангов, из которых каждый имеет особливый свой аймак так, как и российские дворяне собственные свои деревни. В аймаках их бывает по несколько кибиток не по равному числу – в ином пять, десять и больше, а в ином и от несколько сот до тысячи больше. По смерти же нойона улус каждого разделяется сыновьям его по частям, в том числе большому сыну против других его братьев достается несколько больше, и каждая такая часть называется потом особливым улусом, а то же чинится и по

смерти зайсангов с их аймаками» [Бакунин 1995: 34]. Примерно то же сообщали П. С. Паллас [Паллас 1773: 300], К. Костенков [Костенков 1870: 32], и другие исследователи.

Относительно происхождения сословия калмыцких зайсангов в отечественной исторической литературе существует много мнений. Известно, что в XVII в. у калмыков, пришедших в Россию управителями аймаков были зайсанги. Известный исследователь Ф. И. Леонтович считал, что сословие зайсангов является служилым сословием. По происхождению, он делил их две категории: на знатных, владеющих аймаками по наследству и служилых [Леонтович 1880: 5]. В свою очередь барон Ф. А. Бюлер считал, что калмыцкие зайсанги ведут свое происхождение от калмыков-простолюдинов, которые получили свое звание за заслуги от главы буддийской школы гелуг – Далай-Ламы, калмыцких ханов или нойонов [Бюлер 1846: 59]. В советский период, историк А. Г. Митиров выделял три группы зайсангов по происхождению: «родовые» зайсанги, т. е. которые владели аймаком по наследству на протяжении большого периода времени, зайсанги, которые свой аймак получили за свои заслуги перед нойонами и обедневшие нойоны, которые переходили в зайсанги, чтобы получить в управление аймак [Митиров 2002: 66.].

В доказательство можно привести высказывание малодербетовского нойона М. О. Тундутова, который в 1844 г. в своем письме к Главному попечителю калмыцкого народа писал: «Зайсанг Хурманов в звание сие (зайсанга) возведен мною из Старшин за одобрительное управление, так как исконни сим званием усердные из Старшин были награждаемы владельцами» [НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 74. Л. 3]. Это высказывание было подтверждено в 1856 г. в письме хошеутовского улусного управления, где описывался сложившийся обычай: «Своих подвластных, которые приносили особенную пользу обществу, отличались умом и не щадя жизни с усердием и верностью исполняли порученности владельцев, то таковых возводили по нашему закону в зайсангское звание с потомством, наделяя их аймаками, о чем делались словесные приказы» [НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 74. Л. 22]. Надо отметить, что помимо указанный выше

трех способов стать зайсангом в калмыцком обществе был еще и четвертый, когда в случае морганатического брака нойона с простолюдинкой их дети понижались в социальной иерархии и получали звание зайсангов. В 1821 г. хошутский нойон С. Тюмень сообщал Астраханскому губернскому уголовных дел стряпчему А. Сыромятникову, что по Степному уложению такие дети считаются зайсангами [НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 171. Л. 30].

Основной функцией зайсангов являлось ведение постоянного надзора за рядовыми кочевниками (*албату*) в целях предупреждения самовольных откочевок, бегства или их захвата неприятелем. В калмыцких улусах и аймаках существовал порядок, по которому каждый должен был кочевать в строго определенной местности и только в своем улусе. Данные указания вытекали из политики нойонов по ограничению и полному пресечению свободы передвижений зависимого населения. Небрежность или халатность, проявленные при надзоре за *албату*, расценивались как преступление, и виновные зайсанги подвергались штрафу или телесным наказаниям. Безнадзорное и свободное передвижение масс *албату* затрудняло сбор податей с них, выполнение повинностей, сбор ополчения и ставило их под угрозу захвата их другими нойонами феодалами.

Другой важной обязанностью зайсангов был сбор податей в пользу нойонов. Как свидетельствуют источники, калмыцкие нойоны ежегодно получали от своих *албату* в виде подати десятую часть от всего их скота. Надо отметить, что не получая никакого материального вознаграждения от своего нойона зайсанг должен был самостоятельно взимать подати с рядовых кочевников своего аймака уже в свою пользу. При этом количество и размеры поборов как в том, так и в другом случае ничем ограничивались. Зачастую подати, как это наблюдал И. Георги, дополнительно «собирались во время войны, княжеской свадьбы, или когда правители малых улусов хотели жить попышнее …» [Георги 1795: 7].

В случае если аймачный зайсанг не справлялся со своими обязанностями или вызывал недовольство нойона своим поведением, то обычно вместо него избирали опекуна на аймачном сходе из числа самих калмыков простолюдинов,

нойон в этот процесс обычно не вмешивался, поскольку в XIX в. он уже не всегда мог влиять на ситуацию в собственном улусе. Однако в силу уже слившихся традиций опекун редко когда получал право стать аймачным зайсангом. Так, в 1871 г. после смерти Харахусовского аймачного зайсанга С. Эрдениева его аймак в количестве до 700 киб. пришел в полное расстройство. По просьбе Харахусовкого нойона Дугарова Управление калмыцким народом приказало избрать опекуна аймака на аймачном сходе. На сходе «хотонные старосты и выборные старики … единодушно положили для управления аймаком … первого демчея нашего улуса калмыка Бата-Насун Зунгруева» [НАРК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 15. Л. 7]. Однако, в 1877 г. опекун был отстранен от управления, когда законным наследником был признан родной брат покойного Л. Эрдениев.

Лишить звания зайсанга за неуместное поведение мог и лично нойон. Так, когда в конце XVIII в. князь А. Дондуков прибыл из С.-Петербурга для вступления в права на владение Багацохуровским улусом, то один из зайсангов по имени Мингмар «учинил дерской поступок подъехав на лошади (т. е. подъехал с неправильной стороны и не спешившись) к владельческому дому». Разгневанный А. Дондуков лишил его права управлять аймаком, а его сопровождающих наказал плетьми, определив каждому по 100 ударов. Оставшийся без управления аймак он пожаловал во владение Намки Джамбе Гелюнгу [НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 48].

Постепенно менявшиеся условия жизни калмыцкого народа в составе Российской империи после ликвидации Калмыцкого ханства в 1771 г. и более энергичное вмешательство в дела Калмыкии русского правительства вносили свои коррективы в социальном статусе представителей высшего светского сословия. Наиболее значимым событием в истории сословия зайсангов стало введение в действие Положения об управлении калмыцким народом 1834 г [Положение 1836: 536], когда впервые в российском законодательстве за зайсангами были признаны права личного потомственного дворянства и почетного гражданства, а также закреплял в калмыцком обществе принцип майората, тем самым непосредственно затрагивая социально-правовой статус зайсангов. Теперь

зайсангам запрещалось делить свой аймак между своими наследниками, а разрешалось передать его старшему сыну в роду. В результате в калмыцком обществе появилась новая социальная группа – безаймачные зайсанги. При этом аймачные зайсанги, владеющие аймаком получали права потомственного почетного гражданина, а безаймачные зайсангам (т. е. не владеющие аймаками) – права личного почетного гражданина. По сути, безаймачные зайсанги теперь понижались в социальной иерархии и переходили в податное сословие. Столь жесткое решение правительства по разделение зайсангов на знать и простолюдинов привело к многочисленным тяжбам в судах, когда потомки аймачных зайсангов вплоть до конца XIX в. доказывали, что их отцы и деды были аймачными зайсангами до 1834 г, чтобы иметь право требовать аймак во владение или хотя бы статус почетного гражданина [Митиров 1998: 85].

Надо отметить, что в подтверждение легитимности своей власти над аймаком каждый зайсанг обычно имел грамоту, полученную от владельца, которая бережно сохранялась. Например, безаймачный зайсанг Зюнь Кобютова рода Ш. Дорджиев, доказывал свое «зайсангское звание» грамотой, полученной в 1823 г. от нойона Э. Тундутова «данную с приложением имянной его печати на имя отца моего Дорджи» [НАРК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 20. Л. 66]. В 1855 г. когда два малодербетовских зайсанга оказались исключенными из списка зайсангов, то один из них Абганеровский аймачный зайсанг Джап Кутузов в доказательство своей принадлежности к зайсангскому сословию представил Малодербетовскому попечителю Добронравову данную «в 1834 году <…> владельцем майором Э. Тундутовым и подписанную им самим и его печатью грамоту на желтой шелковой материи» [НАРК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 20. Л. 61].

Во второй половине XIX в. российская администрация постепенно заняла место и роль нойонов-улусовладельцев в калмыцком обществе, в подчинение которой автоматически перешли аймачные зайсанги. Это особенно ярко проявляется при рассмотрении в конце XIX в. письма зайсанга Шарнут-Чоносова рода Сюке Зундуева оправленным им в Управление калмыцким народом, в котором он просил допустить его к управлению аймаком, после того как он был

уволен по болезни [НАРК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 125. Л. 48]. Наконец процесс завершился реформой 1892 г., которая законодательно отменила феодальную зависимость калмыков-простолюдинов от нойонов и зайсангов. В результате это привело к исчезновению в калмыцком обществе такой социальной группы, как зайсанги, а их место в калмыцких аймаках заняли представители российские чиновники.

На протяжении всего XIX в. численность зайсангов оставалась незначительной. Так, по данным 1837 г. в Калмыцкой степи насчитывалось 1054 зайсангов и членов их семей, а простолюдинов насчитывалось примерно 58000 чел. [Материалы 1839: 7]. В 1892 г. накануне отмены обязательных отношений зайсангов было 3390 чел., простолюдинов – 130000 чел. [Бурчинова 1980: 81]. В 1914 г. зайсангов было 2101 чел., простолюдинов – 139000 чел. [Команджаев 1999: 247]. Следует заметить, что общее число зайсангов в калмыцком обществе в XIX в. не превышало двух процентов от численности всего населения.

Помимо прочего надо отметить, что роль зайсангов в калмыцком обществе заключалась не только в выполнении сугубо административных функций. В отличие от нойонов-улусовладельцев они всегда жили в окружении своих аймачных людей, а потому лучше понимали жизнь своих подвластных. Патриархальный образ зайсанга представлялся в сознании простых калмыков в качестве «отца» и «защитника», а также воплощал в себе сакральные силы. Считалось, что зайсанги обладают особыми, недоступными обычным людям, свойствами: они могли проводить родовые обряды и ритуалы, могли лечить и даже влиять на погоду. Так, в отчете 1848 г. Ордынского отделения Астраханской палаты государственных имуществ указывалось: «Зайсанги <...> имеют издревле обычай помогать своим однородцам пришедшим, по каким-либо случаям, в упадок и пищею и скотом» [НАРК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 12. Л. 8]. В качестве подтверждения можно привести случай произошедший в 1848 г. во время эпидемии холеры охватившей население Малодербетовского улуса, когда один из зайсангов по имени Э. Джамбаев показал пример подлинного участия и заботы о своих подвластных, когда «не взирая на свойственный калмыкам панический страх, при

поражении их повальными болезнями» остался со своими слугами в главной ставке Малодербетовского улуса и «обращаясь всегда с больными, как отец с детьми и не оставляя (при помощи 10 своих слуг) ни одного из них без помощи, сам натирал их <…> лекарствами». Когда охваченные паникой калмыки бежали из ставки на другое урочище, то на прежнем месте осталось 150 семей, которые не имели ни пищи, ни возможности откочевать без скота и подвод. Зайсанг Джамбаев и здесь показал себя заслуженным героем, когда снова вернулся к ним «с пищею и скотом и доставил в ставку 84 семейства» [НАРК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 12. Л. 9]. За этот подвиг Э. Джамбаев позже был представлен к награде. Здесь для нас интересен, тот факт, что зайсанг был совершенно уверен в своей неуязвимости для болезни.

Таким образом, рассмотрев социально-политическое и общественное положение зайсангов в XIX в., мы можем отметить, что высокий социальный статус зайсангов в калмыцком обществе был обусловлен выполнением административных функций в традиционном обществе. Это достаточно немногочисленная социальная группа выполняла исключительно важные функции по управлению и сбору податей с калмыцкого населения. В силу своего положения образ зайсанга представлялся в сознании простых калмыков исключительно в качестве «отца» и «защитника», а также воплощал в себе ряд сакральных черт. Однако, на протяжении всего XIX в. в результате действий российской администрации в Калмыкии в жизни зайсангского сословия стали появляться новые явления. Так, после 1834 г. появились новая социальная группа безаймачных зайсангов.

Статья подготовлена в рамках проекта госзадания Минобрнауки России «Кочевое общество и хозяйство калмыков в конце XVIII – начале XX века: проблемы интеграции в общероссийскую систему» (КалмГУ, код проекта №2641).

Список литературы

1. Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. – Элиста, Калмыцкое книжное издательство, 1995. – 96 с.

2. Батыров В.В. Сословная структура калмыцкого общества в контексте государственной политики Российской империи XIX в. // Известия алтайского государственного университета. – №4\2. 2014. – С. 26–31.

3. Бурчинова Л.С. Источниковедческие вопросы изучения истории Калмыкии. – Элиста, 1980. – 118 с.

4. Бюллер Ф. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт // Отечественные записки. – 1846. – Отд. 2. – Т. 47. – 412 с.

5. Высочайше утвержденное Положение об управлении Калмыцким народом, распубликованное 28 декабря 1835 // Полное собрание законов Российской Империи. – Собрание Второе. – Том X. – Отделение 2. –1835 г. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1836. – 910 с.

6. Георги И.Г. Описание обитающих в Российском государстве народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. – Ч. 2. – СПб.:, 1795. – 178 с.

7. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. – Ленинград: Изд-во АН СССР, 1934 – 230 с.

8. Казенное учреждение Республики Калмыкия «Национальный архив» (НАРК). Фонд 1. Оп. 1. Д. 161, Д. 171; Фонд 9. Оп. 1. Д. 125; Фонд 9. Оп. 2. Д. 12, 15; Фонд 6. Оп. 1. Д. 74; Фонд 16. Оп. 1. Д. 20.

9. Команджаев А.Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в XIX – пер. пол. XX вв. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. – 347 с.

10. Костенков К.И. Исторические и статистические сведения о калмыках. – СПб.: Хромолитография Н. Глыбова, 1870. – 174 с.

11. Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Калмыцкое право. – Ч.1. – Одесса, 1880. – 286 с.

12. Материалы для статистики Российской империи издаваемые, при статистическом отделении Совета Министерства Внутренних Дел. – СПб., 1839. – С. 7.

13. Митиров А. Г. Истоки. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. – 272 с.

14. Митиров А.Г. Ойраты-калмыки: века и поколения. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. – 384 с.

15. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. – Ч.1. – Изд. II. – СПб., 1773. – 450 с.